

РЕЦЕНЗИИ

УДК 2-13, 2-14, 2-17, 2-184, 2-56, 2-9, 27

«Космическая литургия» Ганса Урса фон Бальтазара*

Священник Александр Конев

Католическая высшая духовная семинария «Мария — Царица апостолов»,
Российская Федерация, 190103, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., 11

Для цитирования: Конев А. Н. «Космическая литургия» Ганса Урса фон Бальтазара // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 1. С. 183–188. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2022.110>

«Космическая литургия» — книга выдающегося швейцарского богослова Ганса Урса фон Бальтазара, опубликованная в 1941 г. и посвященная, как сказано в ее подзаголовке, «миросозерцанию Максима Исповедника». Русский перевод «Космической литургии», изданный в 2021 г., выполнен со второго немецкого издания, вышедшего в 1961 г.¹ Именно текст, переработанный автором для второго издания книги, считается основным текстом «Космической литургии».

Чтобы правильно понять значение этой книги и цели, которые ставил перед собой ее автор, надо знать, в каком историческом контексте она была написана. В католическом богословии первой трети XX в. господствовала неосхоластика, занимавшая в отношении главных современных ей направлений мысли по большей части оборонительные позиции, что делало ее малоспособной ухватывать и развивать новые идеи, а также вести плодотворный диалог с культурой и искусством. Несхоластическим идеалом философии было представление о *philosophia perennis* как установленном раз и навсегда стандарте. В этой роли заданного образца выступал томизм

* Рецензия на перевод книги: *Бальтазар Г. У. фон. Космическая литургия. Миросозерцание Максима Исповедника.* М.: Познание, 2021.

¹ *Balthasar H. U. von. Kosmische Liturgie: das Weltbild Maximus' des Bekenner. Einsiedeln, Switz.: Johannes-Verlag, 1961.*

- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2022
- © Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2022

в том виде, какой он принял в неосхоластике XIX в. Богословие также демонстрировало в целом ментальность «осажденной крепости», враждебно восприимчивая не только идеи, действительно несовместимые с христианской верой, но и потенциально перспективные с точки зрения христианской миссии новые направления мысли, которые просто были непривычны неотомизму и зародились внутри общего бурления интеллектуальной жизни XIX — начала XX в.

Однако 1930-е и 1940-е годы показали, что ситуация начала меняться: долго господствовавшая до того в богословской мысли неосхоластика на всех направлениях постепенно уступала свои позиции, и одним из способов вдохнуть новую жизнь в католическое богословие стало начатое рядом французских библистов и патрологов движение «возврата к истокам» (*ressourcement*). Тесно связано с этим движением было и новое направление во французском богословии — *nouvelle théologie*. Возможно, наиболее крупная фигура в данном направлении — французский иезуит Анри де Любак. Идеи этого библиста и патролога сильно повлияли в дальнейшем на мысль фон Бальтазара, который в период своей иезуитской формации был некоторое время студентом у де Любака. Многие исследователи долгое время относили и самого фон Бальтазара к направлению *nouvelle théologie*, хотя фигуры такого интеллектуального размера, как он, обычно не уместятся в рамках строго определенной богословской школы.

Неудивительно поэтому, что начало творческого пути Бальтазара ознаменовалось патрологическим исследованием о Максиме Исповеднике, притом что все дальнейшее его творчество можно охарактеризовать скорее как работы по систематической теологии. Таким образом, среди остальных трудов Бальтазара эта книга стоит несколько особняком. Фон Бальтазар — очень оригинальный мыслитель, в каждом тексте стремящийся выразить собственное понимание мира и личное богословское видение. Другие авторы обычно используются им для иллюстрации и подтверждения его позиции; как правило, он не привязан строго к концепциям других богословов. Но в случае «Космической литургии» сам жанр патрологического исследования определил необходимость тщательного изучения множества текстов, написанных человеком, жившим за тринадцать столетий до Бальтазара, в совершенно другой культурной и исторической ситуации.

Текст «Космической литургии» не создает впечатления научно-беспристрастного исследования: строго нейтральный подход, наверное, просто чужд Бальтазару, который всегда пишет увлеченно, так что любой его текст выражает страстную борьбу за истину веры, как он ее понимает. Конечно, Бальтазар пишет о Максиме Исповеднике потому, что сам хочет сказать что-то важное о Боге, о мире и о Христе и находит основание для своих идей в трудах великого святого, жившего в VII в. Но при этом нельзя сказать, что швейцарский богослов недостаточно внимателен к текстам самого Максима: данная книга стала важной вехой в исследованиях наследия святого, и, несмотря на большой для современной науки срок, прошедший с момента первого издания «Космической литургии», оценки

Бальтазара до сих пор сохраняют актуальность. Так, на суждения Бальтазара о мысли Максима Исповедника неоднократно ссылается известный современный исследователь Клаудио Морескини в «Истории патристической философии»².

Думаю, что любому читателю, взявшему эту книгу в руки, известно, что Максим Исповедник — ключевая фигура проходивших в VII в. христологических споров. Поэтому можно было бы ожидать, что Бальтазар будет выстраивать работу в чисто богословском ключе, акцентируя историю догматов и показывая связь текстов Максима с другими историческими текстами и с тем, как в ту эпоху уточнялись понятия «ипостась», «природа», «действие» и «воля». Однако с самого начала книги видно, что Бальтазар исходит из единства онтологическо-теологической перспективы, которая у него представляет собой целостное мировоззрение, как было когда-то у ряда выдающихся церковных мыслителей, упоминаемых автором.

Слово «миросозерцание», употребленное в подзаголовке книги, очень точно отражает главный интерес автора. Согласно предлагаемой Бальтазаром перспективе миросозерцания, нельзя понять сотворенный мир вне его отношения к Богу, но также нельзя адекватно понять и божественное откровение, не осознав собственную ценность сотворенного мира. Неслучайно Бальтазар много раз повторяет халкидонскую формулу «нераздельно и неслиянно», ведь богословско-метафизический синтез противоположностей, понимаемых в их нераздельности, как раз и является основной идеей, проводимой автором. Заслугу св. Максима Бальтазар видит в том, что тот объединил в своей мысли (не эклектично, а органически и глубоко) несколько «духовных миров, казалось бы, утративших всякие взаимоотношения между собой» (с. 39 рецензируемого издания). Каждый из этих миров, будь то мир аскетике, мистицизма либо духовности, сам по себе способен видеть лишь часть правды. Мысль о глубоком единстве философии, эстетики, мистики и богословия — одна из самых дорогих для Бальтазара мыслей. Эту идею он не прекращал разрабатывать на протяжении всей жизни. Более подробно он развивал эти идеи в «Богословской эстетике» и в последующих частях своей знаменитой трилогии.

Осуществить внутри религиозного сознания полноценный синтез таким образом, чтобы сохранить осознание трансцендентности Бога, не принижая красоты и непреходящей ценности космоса, — непростая задача. Так, у христианских авторов, воспринявших ряд глубоких неоплатонических интуиций, нужный баланс трансцендентного и имманентного иногда оказывался нарушен. Бальтазар далек от недооценки вклада Оригена, но категорически не принимает «оригеновско-монашеское бегство от мира». Можно в связи с этим отметить и встречающиеся в тексте критические замечания автора по поводу монашеской аскезы и мистики.

² Морескини К. История патристической философии. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2011.

Внутри христианской мысли, стремящейся к систематизации и целостности, два искушения особо выделяются Бальтазаром. Можно либо по-монофизитски усилить идею «возвращения к полноте» таким образом, что частное сущее окажется только временным результатом греха и отпадения, либо же в духе пантеизма включить мир в божественный процесс, утратив различие между Богом и миром. Автор «Космической литургии» хочет сказать, что Максим Исповедник избегает этих крайностей и неоплатоническое стремление к единению уравнивается у него аристотелевским вниманием к частному. Поэтому его мирозерцание Бальтазар определяет не как «небесную литургию», что соответствовало бы скорее мысли Ареопагита, и не как «космический гнозис» (так автор характеризует направление мысли Иоганна Скота Эриугены), но именно как «космическую литургию». Интуиция о присутствии божественного в мирском без их смешения настолько важна для Бальтазара, что вынесена им в название книги. Весь мир для св. Максима (как и для Бальтазара) оказывается «местом явления трансцендентного», причем именно через имманентное «дает узреть себя Абсолютно Иное».

Автор прослеживает генезис идей, которые хотя и ассоциируются у нас с философскими системами гораздо более позднего времени, но в своих основаниях могут быть обнаружены уже у византийских богословов. Формирование такого рода идей Бальтазар замечает и у Максима Исповедника. Например, интуиция о несводимости личности к сущностному порядку хотя и не обозначается византийским святым с помощью различия «сущности» и «бытия», но артикулируется через понятие ипостаси, отражающей именно «персональный» характер экзистенции. С одной стороны, можно задаться вопросом, отметил бы Бальтазар это направление мысли Максима, если бы уже не был знаком с текстами Мартина Хайдеггера, а с другой — почему не предположить, что существуют крупные философские проблемы, которые так или иначе осознаются великими мыслителями, жившими в очень далекие друг от друга эпохи, хотя и не одинаково ими акцентируются. Притом не обязательно, что эти проблемы всегда целенаправленно разрабатываются: возможно, что иногда они остаются не до конца проработанным фоном для более актуальных в свое время вопросов.

Некоторые цитаты из Максима Исповедника, приводимые в книге, напоминают более поздние тексты Николая Кузанского (которого Бальтазар тоже упоминает в связи с наблюдаемым сходством мысли этих авторов). Это сходство можно видеть, например, когда св. Максим говорит о совпадении противоположностей в Боге (см. с. 67, 118). Идея преодоления статической неподвижности противоположностей, а также утверждение необходимости свободного свершения и движения, требуемых для того, чтобы разумное существо смогло реализовать свою природу, уже заставляют вспомнить философскую проблематику Гегеля (с. 120–121). Бальтазар особо указывает на близость мысли св. Максима к немецкому идеализму, особенно к Гегелю, в вопросе о взаимопроникновении всеобщего и особенного (с. 136).

Решение византийским святым проблемы языка, способного говорить о Боге, оказывается схожим с теорией языка «аналогии бытия», характерного для томистской традиции (с. 68, 107). Бальтазар отмечает и еще одно важное сходство с богословием Фомы Аквинского, когда указывает, что, согласно Максиму, природное движение человека, беря начало в трансцендентном, в стремлении к своей реализации выходит за собственные пределы (с. 122, 126–127). Этот момент очень важен для богословия, желающего обосновать благодать сотворенной природы и ее собственную ценность.

Наибольшая заслуга Максима Исповедника в глазах Бальтазара, по-видимому, состоит в том, что Максим регулярно находит правильный баланс, отказываясь от крайностей. Представляется, что он удерживает нужное равновесие между Аристотелем и Плотиним, Востоком и Западом, всеобщим и особенным, имманентным и трансцендентным, Писанием и природой, созерцанием и действием, движением и покоем, настоящим и вечностью. Заключительная часть книги Бальтазара как раз и посвящена духовным синтезам, осуществленным Максимом Исповедником. Сама же возможность этих синтезов обусловлена тайной вочеловечения Логоса. Христос сам является синтезом неба и земли, природы и благодати. Тайна сверхъестественного, говорит Бальтазар, не накладывается на мир извне, скорее она сосредоточивает в себе все естественное и изменяет его, являясь его последней формой.

Издание книги стало радостным событием для русскоязычных читателей, интересующихся историей богословия и патрологическими исследованиями, особенно для тех, кто специализируется на фундаментальном богословии, поскольку именно эта дисциплина в наибольшей степени концентрирует внимание на мирозозерцании верующего, стремясь соотнести различные аспекты знания и опыта в целостном единстве личности.

Перевод книги специально для данного издания был выполнен заново, причем это — первый полный перевод «Космической литургии», в то время как ранее в журнале «Альфа и Омега» публиковались только переводы отдельных фрагментов³. Работала над переводом д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН Галина Владимировна Вдовина — специалист, глубоко понимающий предмет и мысль автора, что при переводах богословской и философской литературы на русский язык встречается, к сожалению, далеко не всегда.

Статья поступила в редакцию 20 августа 2021 г.
Статья рекомендована к печати 29 ноября 2021 г.

Контактная информация:

Конеv Александр Николаевич — священник, лицензиат теологии, преп.;
alessandro.konev@gmail.com

³ Бальтазар Г.У. фон. Вселенская литургия. Образ мира Максима Исповедника // Альфа и Омега. 1997. № 3 (14). С. 106–132; 1998. № 2 (16). С. 108–140; 1999. № 1 (19). С. 92–109; 2000. № 1 (23). С. 67–86; № 3 (25). С. 115–134; 2003. № 2 (36). С. 171–180; № 4 (38). С. 78–94.

“Cosmic liturgy” by Hans Urs von Balthasar**Priest Alexander Konev*Catholic Higher Theological Seminary “Mary — Queen of the Apostles”,
11, 1-ia Krasnoarmeiskaia ul., St Petersburg, 190103, Russian Federation**For citation:** Konev A. N. “Cosmic liturgy” by Hans Urs von Balthasar. *Issues of Theology*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 184–189. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.110> (In Russian)**References**

- Balthasar H. U. von. (1961) *Kosmische Liturgie: das Weltbild Maximus' des Bekenner*. Einsiedeln, Switz., Johannes-Verlag.
- Balthasar H. U. von. (1997) “Cosmic liturgy: The universe according to Maximus the Confessor”, in *Al'fa i Omega*, no. 3 (14), pp. 106–132.
- Balthasar H. U. von. (1998) “Cosmic liturgy: The universe according to Maximus the Confessor”, in *Al'fa i Omega*, no. 2 (16), pp. 108–140.
- Balthasar H. U. von. (1999) “Cosmic liturgy: The universe according to Maximus the Confessor”, in *Al'fa i Omega*, no. 1 (19), pp. 92–109.
- Balthasar H. U. von. (2000) “Cosmic liturgy: The universe according to Maximus the Confessor”, in *Al'fa i Omega*, no. 1 (23), pp. 67–86.
- Balthasar H. U. von. (2000) “Cosmic liturgy: The universe according to Maximus the Confessor”, in *Al'fa i Omega*, no. 3 (25), pp. 115–134.
- Balthasar H. U. von. (2003) “Cosmic liturgy: The universe according to Maximus the Confessor”, in *Al'fa i Omega*, no. 2 (36), pp. 171–180.
- Balthasar H. U. von. (2003) “Cosmic liturgy: The universe according to Maximus the Confessor”, in *Al'fa i Omega*, no. 4 (38), pp. 78–94.
- Balthasar H. U. von. (2021) *Cosmic liturgy: The universe according to Maximus the Confessor*. Rus. ed. Moscow, Poznanie Publ. (In Russian)
- Moreskini K. (2011) *History of Patristic philosophy*. Moscow, Greko-latinskii kabinet Iu. A. Shichalina Publ. (In Russian)

Received: August 20, 2021

Accepted: November 29, 2021

Author's information:*Alexander N. Konev* — Priest, Licentiate of Theology, Lecturer;
alessandro.konev@gmail.com

* Book review: *Balthasar H. U. von. Cosmic liturgy: The universe according to Maximus the Confessor*. Moscow: Poznanie, 2021.